

Курьиши. Москва. - 1992. - 3 янв. (N1). - С. 5.

Василий Павлович, сегодня весь цивилизованный мир кинулся спасать перестройку. Многие советские люди, от обывателей до депутатов разных уровней, усматривают в этом унижение для страны и для себя лично. Разделяете ли вы такие настроения?

— Мне уже приходилось с ними сталкиваться, и, честно говоря, не вижу в этих рассуждениях большого смысла. Мне всегда казалось, что Запад испытывает nostalgie по России, ему хочется, чтобы Советский Союз был вместе со всем миром союзом. Адо бы, в конце концов, и нашим согражданам понять, что Россия — часть человечества и, если ей плохо, оно приходит на помощь от чистого сердца, без какого-либо тайного умысла.

Мы живем в Вашингтоне, и там обитают сорок тысяч эфиопцев, бежавших в свое время от переворота полковника Менгисту. Они занимаются чем придется: кто-то работает на паркингах, кто-то содержит маленькие ресторанчики и магазинчики... Когда случился голод в Эфиопии, именно в тех провинциях, которые совсем недавно славились на весь мир богатством и изобилием, весь мир бросился помогать. И ни у кого, уж этому мы были свидетелями, ни у кого не возникло даже искры пренебрежения к самим эфиопцам, а возникло чувство гадливости к режиму, который довел до такого состояния людей. Думаю, что и в нашем случае речь идет об огромной стране, которая в течение долгого времени шла какой-то странной дорогой и теперь пытается вернуться на более естественный путь развития. А мой взгляд, нет никакого вопроса об унижении человеческого достоинства.

Есть унижение в державном смысле. В одно и то же время запускаем японцев в космос и ждем пакетов со сгущенным молоком с Запада. Как в той песне поется: «Зато мы делаем ракеты и перекрыли Енисей». Парадоксов очень много, но они не распространяются на отношение к русским.

Другое дело, что трудно оценить, насколько и в каких формах нужна такая помощь. По утверждениям некоторых западных экспертов, пишущих на территории России есть, просто в связи с общими перекосами политических и экономических структур она куда-то проваливается. Я не специалист, конечно, но, может быть, колонна грузовиков с западными шофераами на полном автономном обеспечении, занявшаяся распределением имеющихся запасов, оказалась бы более полезной, чем анонимный поток пожертвований, отправляемый, в общем-то, в никуда.

— Думаю, что настороженное отношение к дарам объясняется все-таки еще и неверием в бескорыстие тех, кто их присыпает...

— Конечно, во всем этом есть и элемент само-сохранения со стороны Запада (что, на мой взгляд, ни в коей мере не ставит под сомнение добросердечие отношений к Союзу). Если в ССР произойдет полный распад, что станется с колоссальным военным потенциалом — ядерным оружием, подводными лодками, ракетами в шахтах и так далее? Об этом сейчас все думают и много пишут в зарубежных средствах массовой информации.

Разумеется, все не так просто. Когда-то я, по наивности полагал, что любая шайка террористов может захватить атомную подводную лодку и шантажировать человечество. Такой кошмар, вроде бы, невозможен. О все-таки наличие мощного арсенала может повлечь какие-то очень тяжелые последствия, о которых говорить могут только профессионалы. Я, во всяком случае, не берусь.

Пугают Запад и возможные междуусобицы, межнациональные конфликты. Если не удастся найти четкую формулу сосуществования республик, этнических групп, территориальных образований, может возникнуть очаг страшной напряженности на огромном пространстве. Существуют и иные колоссальные опасности — беженцы, эпидемии... е дай Бог, конечно, чтобы подобное случилось. О тем не менее все возможные варианты на Западе взвешиваются.

— Некоторые наши политологи высказывают мнение, что авторитет Горбачева на Западе пошатнулся, и связывают это с падением его популярности в стране. Не могли бы вы подтвердить или опровергнуть эту оценку?

— Мне представляется она не очень объективной. Авторитет Горбачева на Западе еще очень высок, особенно в Соединенных Штатах. Америка, надо сказать, вообще верна своим кумирам. Старые кинозвезды, например, несмотря на то что потеряли красоту, так же обожаемы и почитаемы всем населением, как и в пору своей молодости. Горбачеву верят, Горбачева считают великим по-

литическим деятелем, освободителем Европы, человеком, переменившим климат во всем мире, закончившим войну в Афганистане. И я думаю, что такая оценка справедлива, у него действительно очень много заслуг.

Так что Горбачев на Западе — фигура уже мифическая. Он окружен легендами, анекдотами, карикатурами. В Америке продаются масса игрушек, птичек, Боже знает чего с изображением Президента СССР, а, например, один из самых популярных сувениров — домашние тапочки, украшенные головой Горбачева. Это уже пик популярности, она тянется за ним, как хвост кометы, но комета сама по себе довольно яркая.

Понятно, почему в Союзе пошатнулась некоторая вера в Президента. Ему часто не достает гибкости, особенно в решении национальных

русской эмиграции такое, по-моему ущербное, общество тоже характерно?

— К сожалению, только о политике и говорят. Мне это, честно говоря, надоело. Я человек не политический, и мне гораздо интереснее побеседовать, скажем, о «Хаджи-Мурате», о литературе вспоминают все реже. Во многих местах, например на радиостанции «Голос Америки», есть телевизоры, непрерывно транслирующие московские программы. В некоторых частных домах хозяева установили сателлитные антенны. У нас есть приятель, который все время смотрит Москву и, по-моему, уже забыл, где живет. Приезжает масса гостей из России с очередными порциями новостей, анекдотов и прочего.

Таким образом, любые политические колебания, любое отклонение в ту или иную сторону

иногда наступает тяжелое похмелье, они машут рукой «Да ну!..». Доходит до анекдотов. Сетуешь, что в Вашингтоне климат неважный, лето влажное, гости и тут найдут возможность восхититься: хорошо, говорят, морщины разглаживаются.

Все это отражает стихийное состояние умов. И мне кажется, что невозможно на фоне восторженного некритического впитывания достижений западного образа жизни снова создать закрытое, военизированное, марширующее, скудно пытающееся (а изобилие, произойди такой переворот, можно создать, но на неделю — не больше), кошмарное оруэлловское общество. Арод назад иди явно не хочет, народ хочет потреблять. Это массовое всемирное желание, и русские, уже став частью мирового сообщества, не исключение.

— А на Западе тоже сейчас идеализируют

Вот уже десять лет Василий АКСЕНОВ живет в США. Приезжая в Москву, он чувствует себя, как

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ ВОЗВРАЩАЕТСЯ К СЕБЕ

вопросов, очень нерешительно идут экономические реформы. О колоссальны, на мой взгляд, его заслуги в утверждении гражданских свобод, раскрепощении прессы, литературы.

Горбачеву бесконечно приходится маневрировать между левыми и правыми. Я смотрел уже в Москве трансляцию Съезда народных депутатов по телевидению. И должен сказать, что Президенту не позавидуешь. Я, во всяком случае, не хотел бы оказаться в его шкуре. Мне кажется, что его симпатии все-таки на стороне демократов в гораздо большей степени, чем на стороне полковника Алксиса, которого я впервые увидел на телевидении.

Вспомнил, в не слишком гладком ответе на неожиданную просьбу Шеварднадзе об отставке Горбачев сделал несколько намеков на то, как трудно было продвинуть идею перестройки в окружении, в котором он работал. Я могу себе представить, каково было человеку, хоть в небольшой степени разделявшему идеи оттепели 60-х годов, находиться в среде брежневского руководства. Это надо понимать. Хрущев в значительной мере провалился из-за безобразного отношения к творческой интеллигенции, которая видела в нем своего покровителя, а он таковым не оказался. И мне кажется, что баланс отношений Горбачева с интеллигенцией имеет решающее значение.

— Но не вся интеллигенция стремится сохранить этот баланс. В частности, в писательской среде есть целый клан литераторов, не приемлющих реформаторские идеи перестройки.

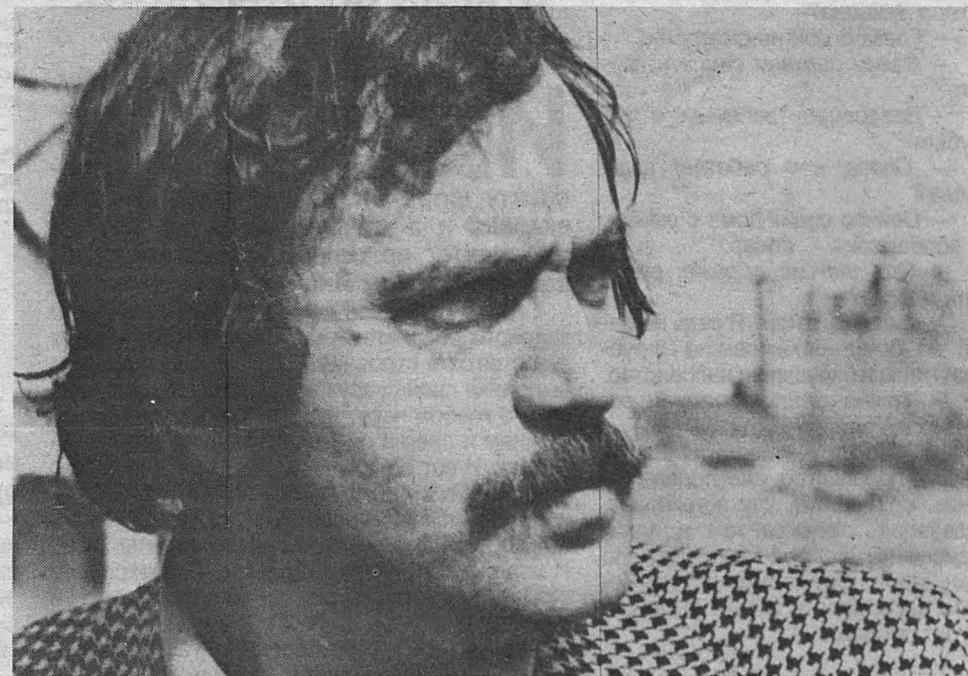
— Я на днях был на первом собрании-обеде русского ПЕ-клуба, там встретился со своими друзьями, представителями близкой и понятной мне литературы. То, что ей противостоит, не имеет ничего общего с тем, что я имею в виду, говоря о литературе. Скажем, я непплохо, очень многообщающе начинани. Пантеистические фантазии, ощущение природы Распутина, языковые поиски Белова были мне интересны. О, когда они становятся на позиции идеологов, это производит удручающее впечатление.

Я об этом уже говорил и недавно заслужил клеймо русофоба в журнале «Москва» от моего когда-то приятеля Савелия Ямчикова. Мне кажется, что русофобами являются именно те, кто больше всего волит о русской идее, потому как такие люди создают пугающий для всего мира образ русского — угрюмого, ожесточившегося, поворачивающегося спиной к протянутой с добром рукой. Мне думается, что это плохая услуга и русской культуре, и самой Родине, о благополучии которых они так вроде бы пекутся.

— Вызываютесь себя жителем страны, оказавшей помощь, или страны, принимающей ее?

— Я все-таки уже десять лет живу в стране помогающей, и не только Союзу. О, я и с каждым днем все больше и больше, привязан к России, к русской культуре. Мой приезд сюда — не просто визит в экзотическую страну, а всякий раз — возвращение к себе. Я нахожусь в некотором промежуточном состоянии, но, на мой взгляд, оно довольно типично для современного человечества, сейчас в таком положении живут миллионы людей, и я — один из этих миллионов. Как и мои русские вашиштаковские друзья и знакомые.

— У нас, когда собираются хотя бы двое, обязательно разговор свернет на политику. Для

мгновенно становятся известными и начинается широкое обсуждение. К сожалению, из-за бесконечных дебатов мы начинаем отрываться от местного населения. Когда границы были запечатаны, мы больше общались со своими друзьями-американцами.

— А политические оценки эмигрантов сильно отличаются от наших, внутренних?

— Я думаю, что здесь гораздо более радикальные взгляды, чем в русской эмиграции. Может быть, эффект расстояния сказывается, а может, привычка жить в обществе, где высушивают другую точку зрения с уважением, во всяком случае, не сразу хватает за грудки. Впрочем, всякое бывает. Отличия есть, но они невелики. В русских эмиграционных кругах, хоть и в меньшей степени, чем здесь, также обстановка сейчас обострилась, все пребывают в возбужденном состоянии.

— Высказываются опасения по поводу первого переворота?

— Об этом говорят все. О перевороте, мне кажется, обречен на провал. Теоретически он возможен, однако дело-то в том, что такой образ действий не решит ни одной проблемы, а усугубит все. И самое главное — осложнит отношения с миром в условиях, когда вся надежда на Запад.

— Вообще-то, нас это никогда не пугало...

— Вы правы, пожалуй. О сейчас, мне кажется, в глубинах народа, даже у людей, не склонных к анализу, а таких большинство, живет подсознательное ощущение, что все лучшее приходит «оттуда». Советские люди некритически относятся к Западу. Раньше его демонизировали, он ассоциировался с насилием, безработицей, военщиной. А сейчас американский образ жизни немыслимо идеализируется. Ам часто с этим приходится сталкиваться.

Приезжают гости из России, и им все безгранично нравится. Когда мы говорим, что не так-то просто тут жить, это не сплошной карнавал,

нас? Раньше мы были в глазах иностранцев русскими медведями, а теперь, похоже, приобрели все возможные добродетели.

— Да, конечно, особенно среди широкого населения. Хотя американцы не очень точно понимают, как обстоят дела. Скажем, им не ясны элементы распада, они не могут постичь, как это ты заходишь в магазин и там нечего купить. Такое не укладывается в голове, и американцы считают, что газеты привирают. В левых кругах Америки вообще сложилось отчетливое мнение, что средства массовой информации показывают ситуацию в ССР тенденциозно, искаженно, хотя репортажи, скажем, в «Вашингтон пост» дают изумительно точную картину жизни в Союзе.

О в других аспектах понимание реалий русской жизни становится все лучше. Когда мы приехали в Америку, мы видели по телевидению фильмы о Союзе, от которых хотелось не просто смеяться, а стоять, настолько это была развесистая «клюква».

— Например, в одной картине женщина едет в поезде. И когда в купе заходит контролер, она с говорит: «Вот мой партийный билет». И вытаскивает целую бумажную простыню... Сейчас же и фильмы делают гораздо ближе к реальности.

Значительно больше стало источников информации. Все чаще на улицах слышится русская речь. Я поехал летом отдыхать в Дубровник — мое любимое место. И думаю: все языки мира слышатся вокруг, а русского нет. Пошел в старый город и вдруг увидел — сидит молодой человек с гитарой и поет «А Дерибасовской открылась пивная». Оказалось, советский турист решил таким образом подзаработать. Отчего же нет?

— Василий Павлович, а вы не собираетесь вернуться на Родину?

— Я не могу сразу порвать все, что у меня сложилось за десять лет. О я уже начинаю возвращаться. Мои читатели — здесь...

Беседу вели Татьяна КУЛИКОВА.